

УДК: 32.001(470+571) 66.1(2)
DOI: 10.17223/1998863X/52/20

Б.А. Прокудин, Д.А. Прокудина

«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» С.Т. АКСАКОВА КАК ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ И ПРИГОВОР ЕМУ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

В конце 1850-х гг. мы наблюдаем удивительный факт: представители двух главных общественных направлений в России – «революционные демократы» и славянофилы (шире – консерваторы) – одинаково восторженно приветствовали публикацию «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, причем интерпретация этого литературного произведения была совершенно противоположной. Первые увидели в тексте доказательство для обличения отживших крепостнических порядков, вторые – выразительное описание старинного традиционного уклада, основу вековых хозяйственных отношений в России. Эта статья – попытка реконструировать общественный идеал, выраженный в произведении Аксакова.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, Н.А. Добролюбов, С.П. Шевырев, славянофильство, патриархальный идеал.

Введение. Казус «семейной хроники»

Сергей Тимофеевич Аксаков не считал себя идеологом, формально не принадлежал к славянофильству и избегал давать социально-политические определения своим произведениям. Он был писателем и пытливым наблюдателем жизни. В 1847 г. он выпустил книгу «Записки об уженье», в 1952 г. – «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». Читая эти очерки бывалого рыболова и охотника, создается впечатление, что их автор, влюбленный в природу натуралист, не просто систематизирует свои многолетние наблюдения, как лучше ловить рыбу и стрелять птиц, а, разглядывая жизнь природы, пытается приблизиться к постижению ее тайн. И книги его воспринимались современниками не только как охотничьи справочники, но и как сочинения, имеющие свойства художественной литературы.

А потом Аксаков написал «Семейную хронику» (1856), состоящую из пяти «отрывков»². Произведение это было посвящено истории семьи, в центре которой стоял образ его дедушки, названного в книге Багровым. И здесь Аксаков выступил как пытливый наблюдатель. Беспристрастно описывая и симпатичные, и пугающие черты личности дедушки-Багрова, он будто тоже хочет разгадать тайну этой незаурядной личности. Не делая окончательных выводов относительно натуры своего героя и специфики помещицкой жизни

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344.

² В начале 1856 г. первые три отрывка: «Степан Михайлович Багров», «Михайла Максимович Куролесов» и «Женитьба молодого Багрова», – вместе с «Воспоминаниями» вышли отдельным изданием. Необычайный успех книги побудил Аксакова выпустить ее летом того же года вторым изданием «с прибавлением двух отрывков», появившихся в «Русской беседе» и «Русском вестнике» уже после выхода в свет первого издания. Таким образом, лишь во втором издании «Семейная хроника» вышла в полном составе.

XVIII в., Аксаков приглашает читателей разгадывать дедушку вместе и самостоятельно давать интерпретации прочитанному.

И вот после выхода «Семейной хроники», этого, казалось бы, интимного семейного произведения, книга Аксакова вдруг стала знаменем двух конфликтующих партий. Оказалось, что ее можно свободно интерпретировать двумя противоположными способами: как антикрепостническую книгу и как сочинение, содержащее идеализированное описание патриархального быта. В таких интерпретациях «Семейная хроника» вдруг получила серьезное политическое содержание, а дискуссия о книге – общественное значение.

Действительно, выход в свет «Семейной хроники» стал событием для русской литературы. Успех книги Аксакова был необычайным. «Как бы ни были велики мои надежды на успех моей книги – действительность превзошла всякие самолюбивые ожидания, – писал 2 февраля 1856 г. Аксаков своему сыну Ивану. – Я начинаю бояться, что сам увлекусь этим потоком искренних восторгов» [1. С. 237]. Современники стали сравнивать успех Аксакова с успехами Пушкина и Гоголя. В письме к Вацлаву Ганке историк А.Ф. Гильфердинг писал: «Со времен Пушкина ни одна книга не имела у нас такого успеха, никто не писал таким русским языком, как этот 65-летний старик, недавно выступивший у нас в литературе» [2. С. 214]. «Издание „Хроники“ встречено было с таким восторгом, – вспоминал два года спустя Н.А. Добролюбов, – какого, говорят, не бывало со времени появления „Мертвых душ“. Все журналы наполнились статьями о С.Т. Аксакове» [3. С. 168].

Однако, несмотря на «восторг всех журналов» и «беспримечное единодушие похвал» (см.: [4. С. 1]), по мнению С.А. Венгерова, автора «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», «Семейной хронике» «не повезло» в отношении серьезных критических оценок [5. С. 191]. Действительно, читая наиболее крупные отзывы на «Семейную хронику», появившиеся в год ее выхода, мы видим, что все они были достаточно спокойными, комплементарными и похожими друг на друга. Критики были представителями совершенно разных социально-политических и эстетических направлений, но С.С. Дудышкин на страницах «Отечественных записок» (см.: [6. С. 69–90]) почти вторил Н.П. Гилярову-Платонову, опубликовавшему свою рецензию в «Русской беседе» (см.: [4. С. 1–69]), а Ф.А. Дмитриев, автор «Русского вестника» (см.: [7. С. 461–481]), – П.В. Анненкову из «Современника» (см.: [8. С. 1–24]). Все признавали, что Аксаков написал книгу о XVIII в. с явным сочувствием старине, но действительность не «лакировал», и получилось правдиво и поучительно.

Приговор всему «прежнему времени»

По-настоящему поводом для обострения общественной борьбы биографическая трилогия Аксакова стала через два года, когда были напечатаны «Детские годы Багрова-внука» (1858). Нужно сказать, что это произведение пользовалось меньшей популярностью у публики, и мы не будем говорить о нем отдельно, но публикация 1858 г. причудливым образом дала возможность современникам новыми глазами посмотреть на «Семейную хронику» и увидеть в ней серьезную социально-политическую составляющую.

Толчком к «политизации» «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы». Добролюбов вошел

в историю русской критики и социально-политической мысли как создатель особого метода прочтения художественных произведений, названного им «реальной критикой», суть которого состояла в умении автора использовать литературные произведения лишь как повод для разговора о социальных проблемах. Его метод окончательно оформился в поздних статьях 1859–1860 гг., но именно в статье «Деревенская жизнь помещика...» 1858 г. Добролюбов впервые заявил, что эстетические достоинства текста его интересоваться не будут и что сосредоточится он исключительно на содержании – жизни помещиков и крестьян при крепостном рабстве (подробней об эволюции метода «реальной критики» см.: [9. С. 143–160]). Мир «Семейной хроники» стал для Добролюбова как социолога исследовательским полем, и первоначальная гипотеза о том, что крепостное право оказывает негативное влияние на социальное и нравственное устройство русской жизни, нашла массу подтверждений.

Добролюбов показал «старинный произвол помещичьей власти», во всех подробностях разобрав взаимоотношения основных героев «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» с их дворовыми людьми и крепостными крестьянами. Этот «системный» (или «социологический») подход позволил ему показать «всеобъемлющий» характер крепостных отношений, основанный на произволе помещиков и раблении крестьян при скудости общего образования.

Более того, на примере семьи Багровых Добролюбов доказал, что «неразвитость нравственных чувств, извращение естественных понятий, грубость и невежество» «старых порядков» извращали не только отношения слуг и господ, но и порядки внутри самого дворянского сословия, где царили тот же деспотизм, рабление, и, как следствие, взаимная ненависть. В заключение Добролюбов писал: «Грустно становится, когда раздумываешься об этих временах, которых остатки существовали еще так недавно» [10. С. 325]. И это казалось вполне убедительным и законным приговором не только крепостному праву, но и всему «прежнему» времени.

Добролюбов настолько увлекся разоблачением крепостнических порядков, что пошел против текста «Семейной хроники», утверждая, что автор глубоко заблуждался, считая Степана Михайловича Багрова положительным персонажем. Категорически отказываясь замечать в произведении Аксакова апологетику «нравственного чувства» Багрова, Добролюбов полностью сосредоточился на негативной природе крепостничества и подчинил анализ «Семейной хроники» доказательству, что нет никакой принципиальной разницы между Багровым и садистом-Куролесовым, явным антагонистом Багрова, героем второго «отрывка» «Хроники». Добролюбову они оба представлялись просто жестокими крепостниками, представителями одного отмирающего типа, лишь с той разницей, что в Куролесове он видел чуть больше патологии, чем в Багрове.

Одним из оснований метода «реальной критики» Добролюбова был тезис о том, что художник, повинувшись «здоровому природному инстинкту» своей «натуры», осуществляет интуитивный прорыв к правильному постижению феноменов действительности, хотя не всегда осознает при этом общественное значение изображаемого, не всегда может произвести суд над действительностью и указать социальные истоки жизненных явлений и человеческих

типов. В таком случае «реальная критика» призвана растолковать читателям и самому автору смысл его творений. Правдивость воспроизведения жизни обусловливается отнюдь не идеологией автора, а его «живым чутьем».

Н.Г. Чернышевский не писал развернутой рецензии на «Семейную хронику», но почувствовал в книге Аксакова славянофильский дух и назвал ее переоцененным произведением (см.: [11. С. 699]), по-видимому, ему показалась ложной и опасной сама идея, лежащая в основе аксаковского текста. Добролюбов же решил, что «сила непосредственного художнического чувства» не оставила заблуждающегося автора, и у Аксакова помимо воли получилась «правильная» антикрепостническая книга.

Действительно, статья Добролюбова была одной из первых печатных попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. И книга Аксакова о XVIII в. оказалась для Добролюбова актуальнейшим произведением, на материалах которого можно было со всех сторон показать уродливые проявления крепостничества. Нетерпение Добролюбова из-за чересчур медленного хода преобразований отразилось в заостренных до несправедливости выводах статьи. И «Семейная хроника» для читателей «Современника» оказалась произведением, обличающим старые порядки, хотя сам Аксаков едва ли мог назвать себя писателем-обличителем.

Утверждение «утерянных идеалов» прошлого

Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам. И восстановить «истинный» смысл биографической трилогии Аксакова взялся С.П. Шевырев. Критик, писал он, имея в виду Добролюбова и его статьи, «воспользовался новою книгою автора („Детскими годами...“ – *Б.П., Д.П.*), чтобы извлечь из нее новые обвинительные пункты против старой русской жизни, и нашел материал порядочный, доказав тем, как он совершенно не понимает духа произведений писателя, которым для своих целей пользуется» [12. С. 74].

Несмотря на то, что литературное творчество С.Т. Аксакова стало воплощением славянофильских представлений по поводу «русской школы» в искусстве (подробней см.: [13. С. 115]) и, по сути, безотносительно воли автора выступало литературным подкреплением славянофильской утопии (трактовку славянофильства как консервативной, антикапиталистической утопии предложил А. Валицкий – автор классического труда «В кругу консервативной утопии» (см.: [14. С. 511–525])), никто из главных теоретиков славянофильства не написал развернутого критического отзыва на произведения писателя. Среди рецензентов были люди, не относящиеся к славянофилам, но утверждавшие похожие эстетические принципы. Таким был Шевырев, близкий славянофилам консервативный критик (для уточнения социально-политических воззрений Шевырева см.: [15. С. 185–241; 16. 5–16]).

Именно Шевырев в статье «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале славянофильского направления «Русская беседа» в 1858 г., назвал Аксакова «главою писателей молодого поколения» как автора наиболее объективного и беспристрастного, в «художественном воззрении» которого сочетаются тем-

ные и светлые стороны жизни (см.: [12. С. 69]). В 1856 г. примыкавший к славянофилам Н.П. Гиляров-Платонов уже называл Аксакова художником, чье «воззрение чище, выше и шире, нежели какое находим мы вообще у современных писателей» [4. С. 69], но назвать Аксакова, как это сделал Шевырев, «главой писателей молодого поколения» было смелым заявлением.

Дело в том, что впервые титул «глава русской литературы» применил В.Г. Белинский, сначала по отношению к Пушкину, потом – к Гоголю. Вслед за ним русская критика каждые пять-десять лет назначала нового «главу» русской литературы: Островского, Тургенева, Гончарова, Толстого. Все эти авторы стали создателями национальной литературы, они отражали важные чаяния времени. Но почему Шевырев в момент наибольшего «подъема общественных настроений», когда ослабление цензурных запретов привело к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу актуальных проблем, касавшихся прежде всего дальнейших путей развития России, признал «главой» писателей автора патриархальных пасторалей? Как получилось, что после смерти Николая I и поражения в Крымской войне, когда «вскрылись язвы общества» и все ожидали скорейшей отмены крепостного права и коренных государственных преобразований, выразителем «истинных начал жизни» стал любитель рыбалки, старик-писатель, рожденный в екатерининскую эпоху?

Ответ прост: потому что только Аксакову, как подчеркивал Шевырев, в беспокойное время удалось создать «спокойно-эпическое представление старой Русской жизни» [12. С. 69] без произнесения суда над ней. Аксакову удалось в образах старины напомнить читателям о вечных человеческих ценностях. И для консервативного критика отсутствие суда над «старой русской жизнью» в эпоху радикальных реформ было гораздо важнее литературы о современных метаморфозах, потому что давало надежду, что не все традиционные ценности будут «попраны» реформаторами.

Аксаков, по мысли Шевырева, писал о вечном, вневременном, а не об актуальном или злободневном. Именно поэтому возмутительными и абсурдными казались Шевыреву попытки Добролюбова выставить произведения Аксакова образцом обличительной литературы. В книгах Аксакова – «сама жизнь, основанная не на отрицании, а на созидających началах – любви и благоволения», – писал он. Как можно извлекать из них «свои раздраженные, обвинительные доносы» [Там же]? Статья Шевырева стала ответом «революционно-демократической» критике, разглядевшей в автобиографических текстах Аксакова лишь антикрепостническое содержание. Полемика «Современника» и «Русской беседы» по поводу произведений Аксакова в 1858 г. удивительным образом превратилась в попытки «перетянуть» автора «Семейной хроники» на свою сторону.

Но все же, почему произошло так, что в 1856 г. «Семейная хроника» была воспринята представителями всех общественных направлений практически с одинаковой благожелательностью, а два года спустя стала поводом для общественной борьбы? Дело в том, что новый император Александр II и его правительство не сразу пошли на то, чтобы дать возможность периодическим изданиям обсуждать проблемы внутренней политики. Причем вопрос о «крепостном состоянии в России» рассматривался как наиболее щекотливый, к которому нужно обращаться с наибольшей осторожностью, и в период 1855–1857 гг. его напрямую пока еще нельзя было обсуждать в периодике. Изме-

нения произошли в конце 1857 г., когда Александр II направил генерал-губернаторам рескрипты о создании губернских комитетов для обсуждения крестьянского вопроса (см.: [17. С. 22–33; 18. С. 273–287]). «Эти документы царя были повсеместно распространены, открывая гласность в важнейшем вопросе того времени» [19. С. 102]. С 1858 г. в периодике он стал активно обсуждаться; вышли журнал А.И. Кошелева «Сельское благоустройство» (Москва), «Земледельческая газета», «Журнал землевладельцев»; появились крестьянские отделы в «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Русской беседе», «Современнике». И несмотря на то, что цензурное ведомство постоянно выражало недовольство характером обсуждения крестьянских проблем, выпускало распоряжения и запретительные циркуляры в отношении статей по крестьянскому вопросу, возможность высказаться появилась (см.: [Там же. С. 102–110]), и Добролюбов вернулся к «Семейной хронике».

В своих автобиографических сочинениях Аксаков, не отрицая недостатков, но все же взглянул на жизнь прошлого века с положительной точки зрения. Описание быта семьи Багровых вызывает в целом у читателя скорее чувство примирения с описанной действительностью, нежели негодования и протеста. Поэтому возвращение Добролюбова к тексту «Семейной хроники» в 1858 г. показывает, какую опасность для грядущего реформирования российского общества он видел в подобной идеализации патриархального прошлого. Популярность книг Аксакова, с его точки зрения, наносила очевидный вред модернизации страны. В период, когда наконец появилась возможность критиковать крепостные порядки, книги Аксакова содействовали их моральной реабилитации и тормозили реформы. Добролюбов попытался, хотя бы для читателей журнала «Современник», уменьшить «вред» от сочинений Аксакова и акцентировать внимание на недостатках «старого порядка».

Ответ Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалась опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным реформам. Таким образом, полемика «Современника» и «Русской беседы» о сочинениях Аксакова имела для представителей радикального и славянофильского (шире – консервативного) направлений принципиальное политическое значение.

Предположительно между 1861 и 1863 гг. Ю.Ф. Самарин на литературном вечере в Самаре произнес короткую речь «С.Т. Аксаков и его литературные произведения». В ней было высказано мнение о непосредственном отношении автора «Семейной хроники» к славянофильству и о значительной зависимости творчества писателя от развития этого общественно-политического направления.

Самарин был давним другом семьи Аксаковых и знакомился с содержанием автобиографических произведений ее главы задолго до их выхода в свет. В своей статье-речи, посвященной истокам аксаковского творчества, которая стала его последней критической работой, он высказал мысль о том, что для раскрытия таланта Аксакова «нужен был поворот в общественном сознании, известный у нас под названием славянофильства» [20. С. 262]. Самарин полагал, что в двадцатые и тридцатые годы XIX в., когда в литературе

велись споры о романтизме и классицизме, Аксакову и не могло бы прийти в голову поделиться с публикой воспоминаниями о природе заволжского края и тихой патриархальной жизни провинциальных помещиков. Не было «сочувствующей среды», готовой к восприятию «русских смыслов». Но когда содержанием литературных споров стал вопрос о древней и новой России, о значении народа и народности, который инициировался прежде всего славянофилами, среда оказалась готовой. «И можно сказать, – писал Самарин, – что это направление общественной мысли зачалось в доме С.Т. Аксакова, в кругу самых близких его друзей и почти ежедневных гостей его» [20. С. 262–263]. Среди людей, наиболее повлиявших на раскрытие таланта Аксакова-писателя Самарин называл Гоголя и старшего сына Константина, который «почти без всякой посторонней помощи возвел в сознание и оправдал в глазах Сергея Тимофеевича то глубокое сочувствие к русской народной жизни, которое было в нем природным свойством, но которому он сам не ведал цены» [Там же. С. 263]. Самарин писал, что старые друзья Аксакова, видя в нем глубокие перемены, досадовали, зачем он поддается влиянию детей, на что однажды Аксаков ответил: «Вы думаете уколоть меня влиянием Константина! Так знайте же, что глуп тот отец, который, воспитав своего сына, потом сам не перевоспитается от него» [Там же. С. 264].

Итак, вряд ли есть смысл спорить, кто «в действительности» на кого повлиял: рассказы С.Т. Аксакова о патриархальной старине сформировали интерес его детей, Константина и Ивана, к национальной проблематике, из которого выросло славянофильство, или Константин «перевоспитал» отца, который сделал из частных воспоминаний большую литературу с содержанием, близким славянофильской картине мира. Влияние было обоюдным. Вопреки расхожему представлению о неизбежности конфликта поколений, дети в аксаковской семье ценили опыт отца, а отец интересовался интеллектуальной жизнью детей. В результате оказалось, что в истории развития славянофильской школы важную роль сыграли художественные произведения С.Т. Аксакова, прежде всего «Семейная хроника», важной художественной особенностью которой стали воспроизведение черт национального характера, обращение к прошлому с целью отыскать в нем утерянные идеалы жизни. Было бы ошибкой назвать книги Аксакова просто художественной иллюстрацией славянофильских идей, мир «Семейной хроники» как будто стал самостоятельным дополнением общественно-политической концепции славянофилов, обогатив ее рядом дополнительных элементов и смыслов.

Система представлений Багрова

Можем ли мы сегодня новыми глазами посмотреть на «Семейную хронику» и попытаться реконструировать общественный идеал, выраженный в произведении Аксакова? И вообще, можно ли говорить об общественном идеале Багрова? По нашему мнению, нет. Герой Аксакова не произносит никаких манифестов, не предлагает социальных программ. Однако мы можем говорить о системе представлений Багрова, что, по его мнению, правильно, а что – неправильно. И делать предположения, что лежит в основе этих представлений.

Итак, герой «Семейной хроники» Степан Михайлович Багров, прототипом которого был дед писателя – Степан Михайлович Аксаков, стал одним из

классических образов русской литературы. Багров был достаточно заурядным человеком среднего дворянского круга в провинции, хотя «природный ум его был здоров и светел». «Разумеется, при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо» [21. С. 10]. Интеллектуальные запросы его были совсем несложны и невелики, книг в его доме не читали. Однако у него были природный здравый смысл и пронизательность, которые восполняли недостаток образования. Но, что важнее, Багров отличался «нравственной чуткостью», которая помогала ему разобраться в сложных явлениях окружающего мира и в людях, отличать хорошее от плохого. Этим «нравственным чувством» Багров руководствуется во всех случаях жизни.

Багров, по описаниям Аксакова, был человеком, не способным к обману. Например, он не захотел воспользоваться, подобно многим другим помещикам-колонистам, доверчивостью башкир, чтобы за бесценок купить их плодородные земли. В своих поступках он действовал «по совести», сообразно принципу справедливости, за что заслужил уважение своих крестьян и окрестных жителей, которые просили его помощи при разрешении ссор и тяжб.

Однако именно с нелюбовью ко лжи связана главная отрицательная черта Багрова, его склонность к вспышкам бешеного гнева, которые Аксаков описывает без прикрас и с чувством отвращения. Однажды «он прогневался на одну из дочерей своих, кажется, за то, что она солгала и заперлась в обмане; двое людей водили его под руки; узнать было нельзя моего прежнего дедушку; он весь дрожал, лицо дергали судороги, свирепый огонь лился из его глаз, помутившихся, потемневших от ярости! <...> Бабушка кинулась было ему в ноги, прося помилования, но в одну минуту слетел с нее платок и волосник, и Степан Михайлович таскал за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну» [Там же. С. 25]. Во время другой вспышки гнева Багров так таскал жену за волосы, что год этой пожилой женщине пришлось ходить с пластырем на голове.

Мировоззрение Багрова зиждилось на нескольких основаниях, главное из которых – абсолютная ценность рода. Родовое начало лежало в основе всех его взглядов и привычек. Аксаков пишет, что «древность дворянского происхождения была коньком моего дедушки». Он «ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов» и в юности даже не женился на красивой и богатой невесте, потому что «прадедушка ее был не дворянин» [Там же. С. 12]. Такая щепетильность к сохранению родовитости вписывается в его представление незыблемости дворянского права. «Семисотлетнее дворянство» рода – историческая легитимация патриархальной власти Багрова.

Особенно ярко патриархальность проявлялась у Багрова в отношении к своим домашним. В качестве главы семьи он считал себя полновластным хозяином и распорядителем судьбы всех своих домочадцев. Семью он любил и считал долгом заботиться обо всех, но со стороны домочадцев требовал беспрекословного подчинения своей воле. Все вопросы, касающиеся судьбы отдельных членов семьи, он решал сам, не спрашивая ничего совета, ничего мнения.

В «Семейной хронике» есть сюжет, как четырнадцатилетняя двоюродная сестра Багрова, сирота, находящаяся под его опекой, вопреки воле своего строгого брата вышла замуж за привлекательного, но порочного человека. И Багрову впоследствии пришлось спасти ее от мужа. Аксаков в финале описывает отношения брата и сестры следующими словами: «И странное дело, откуда вдруг взялась у нее такая любовь и признательность к своему двоюродному брату <...>? Прочла ли она в его глазах, полных слез при встрече с нею, сколько скрывается любви под суровой наружностью и жестоким самовластием этого человека? Было ли это темное предчувствие будущего или неясное понимание единственной своей опоры и защиты?» [21. С. 55] В этой фразе высказаны сразу две очень важные идеи, которые характеризуют патриархальное мировидение Багрова. Во-первых, его самовластие ограничено любовью и его «нравственным чувством». И это самовластие, или семейный деспотизм, имеет оправдание потому, что, кроме Багрова, никто не может гарантировать «опоры и защиты» для членов его семьи.

Однако постоянное подчинение всех домашних воле отца семейства приводило и к негативным последствиям. Его деспотизм способствовал развитию дурных привычек и свойств характера, например у его дочерей, которые прикрываясь полной покорностью, добивались своего хитростью и лукавством.

Патриархальностью проникнуто и отношение Багрова к слугам и крепостным, он смотрел на них как на младших членов своей семьи. Такому отношению, конечно, способствовало то, что по своим взглядам и образу жизни Багров был близок к крестьянам, имел с ними много общего. Высоко ценя свое дворянство, к крепостным он относился без высокомерия, отличался доступностью и простотой в общении. Будучи трудолюбивым хозяином, он был требователен к крестьянам, жесток с ленивыми и нерадивыми, но зато все крепостные Багрова знали, что в случае нужды они всегда могут обратиться за помощью к барину и никогда не встретят отказа.

Аксаков пишет, что Багров регулярно отправлялся «в поле» на инспекцию: «Дедушка <...> отправился в паровое поле и приказал возить себя взад и вперед по вспаренным десятинам. Это был его обыкновенный способ узнавать доброту пашни: всякая целизна, всякое нетронутое сохою местечко сейчас встряхивало качкие дроги, и если дедушка бывал не в духе, то на таком месте втыкал палочку или прутик, посылал за старостой, если его не было с ним, и расправа производилась немедленно» [Там же. С. 32]. Багров не принадлежит к тем помещикам, которые из Петербурга, Москвы или Парижа управляли имениями через приказчиков, не желая вдаваться в подробности деревенской жизни. Он знает каждую кочку на своих полях. Багров – начальник крестьянского «производства», строго, а иногда и жестоко отстаивающий общий хозяйственный интерес и общую выгоду: «Дедушка, сообразно духу своего времени, рассуждал по-своему: наказать виноватого мужика тем, что отнять у него собственные дни, – значит вредить его благосостоянию, то есть своему собственному; наказать денежным взысканием – тоже; разлучить с семейством, отослать в другую вотчину, употребить в тяжелую работу – тоже, и еще хуже, ибо отлучка от семейства – несомненная порча» [Там же. С. 11]. «Не удивительно, что крестьяне любили горячо такого барина» [Там же. С. 24], – пишет Аксаков далее. Багров воспринимал себя в отношении вверенных ему крестьян хозяином и отцом и чувствовал незыблемость общественного договора между

крестьянином и помещиком, в соответствии с которым первый должен работать, а второй быть эффективным организатором сельскохозяйственного процесса, справедливым судьей и защитником своих работников.

В отношении к крестьянам Багров не только строг, но и щедр. Новелла «Хороший день Степана Михайловича» заканчивается такой сценой: «Староста уже видел барина, знал, что он в веселом духе, и рассказал о том кое-кому из крестьян; некоторые, имевшие до дедушки надобности или просьбы, выходящие из числа обыкновенных, воспользовались благоприятным случаем, и все были удовлетворены: дедушка дал хлеба крестьянину, который не заплатил еще старого долга, хотя и мог это сделать; другому позволил женить сына, не дожидаясь зимнего времени, и не на той девке, которую назначил сам; позволил виноватой солдатке, которую приказал было выгнать из деревни, жить по-прежнему у отца, и проч.» [21. С. 39–40].

Однако и здесь самовластие барина приводило порой к негативным последствиям. Получив весть о скором рождении внука, Багров решил на радостях женить свою немолодую служанку Аксютку, очень «дурную лицом, неопрятную и злую», к которой почему-то питал симпатию, на красивом молодом слуге, Иване Малыше. «Противоречий, – как пишет Аксаков, – не было. Свадьбу сыграли. Аксютка без памяти влюбилась в красавца мужа, а Малыш возненавидел свою противную жену, которая была вдобавок старше его десятью годами. Аксютка ревновала с утра до вечера, и не без причины, а Малыш колотил ее с утра до вечера, и также не без причины, потому что одно только полено, и то ненадолго, могло зажимать ей рот, унимать ее злой язык. Жаль, очень жаль! Погрешил Степан Михайлыч и сделал он чужое горе из своей радости» [Там же. С. 212].

Для того чтобы лучше понять кажущуюся противоречивость натуры Багрова, нужно обратиться к российской патриархальной традиции, важнейшие элементы которой мы можем найти в «Домострое» XVI в. В этой книге содержатся поучения и наставления хозяину дома, «государю», как он именуется в редакции протопопа Селивестра. «Домострой» не только устанавливает патриархальные права хозяина-государя, но и предписывает его обязанности в отношении членов семьи и слуг. Например, в главе «Как воспитать своих детей в поучениях разных и страхе божьем» есть такое наставление: «Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей. И хранить, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах и ответ им держать в день Страшного суда» [22. С. 76]. То же касается и слуг. В главе «Каких слуг держать при себе и как о них заботиться» мы читаем: «Если же нерадив ты в этом (в деле выявления пороков своих слуг. – *Б.П., Д.П.*): слуг держишь, а заботы о душах их не имеешь, и только поручаешь им дела, так или иначе служить тебе, еду и одежду и всякую службу справлять, – тебе самому за души их отвечать в день божьего суда» [Там же. С. 98]. То есть наказание домочадцев и слуг является долгом хозяина дома. Багров яростно «преследует» обманувшую его дочь и таскает жену за волосы по праву и обязанности заботы об их душе. С точки зрения «Домостроя» такое насилие является тяжким бременем хозяина, исполнением божественного закона, а с точки зрения хозяйства – долгом экономическим.

Именно поэтому свою «расправу» над старостой за плохо вспаханную барскую пашню Багров считает справедливой, опираясь при этом на букву закона. Крепостное право (как и «Домострой» в отношении семьи) не только определяет обязанности крестьян, но и обязывает барина гарантировать их исполнение применением насилия. Поэтому хозяин-государь, помещик должен уметь и наказывать, и женить крестьян по своему произволу без лишних сантиментов, потому что этого требует хозяйственная необходимость.

Но тот же «Домострой» предполагает соблюдение баланса «кнута и пряника», сочетание требования добросовестного исполнения крестьянами и дворовыми своих повинностей, послушание с проявлением щедрости: «Во всяком деле кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу все исполняет, того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьем одарить, и всякую просьбу его исполнить. <...> Если же в другой и в третий раз натворит чего или заленится – тогда, по вине и по делу смотря, обдумав, проучить его – поколотить» [22. С. 183]. Багров учиняет немедленную «расправу» над старостой, если видит плохо возделанное поле, но в хорошем настроении прощает долги даже нерадивым крестьянам.

Несмотря на все, Багров является для Аксакова положительным типом помещика. Главный герой второго «отрывка» «Семейной хроники», Михаила Максимович Куролесов, на контрасте воплощает отрицательные черты тогдашнего «крепостного барства», и сравнение этих двух ярких персонажей дает нам возможность выделить основные черты системы представлений Багрова.

Прежде всего важно сказать, что Куролесов является «сильной натурой». Как и Багров, он человек деятельный и властный. Благодаря своим незаурядным качествам: упорству, умению общаться с людьми, этот «нечиновный» мелкопоместный дворянин женился на богатой невесте и добился почетного положения в обществе. После этого он активно принялся за устройство большого хозяйства, руководил строительством, переселял крестьян на плодородные земли, занимался рационализацией сельскохозяйственного быта и достиг в своей деятельности блестящих результатов. Кажется, перед нами двойник Багрова: Куролесов не только деловитый хозяйственник, человек такой же энергичный и успешный, но и властный барин с бурным темпераментом, который пока может сдерживать свою жестокость. Однако похожими эти персонажи кажутся только поначалу.

Когда Куролесов выстроил свое хозяйство, период большой стройки и агрономических реформ закончился и пришло время благополучной стабильности, его кипучая энергия и сильные страсти начали искать выход в «буйном разгуле и различных неистовствах», в насилии над своими дворовыми людьми и соседями. Опьяненный сознанием своей власти и полной безнаказанности, не встречая никакого сопротивления ни от окружающих его людей, ни от властей, из простого садиста он превратился в преступника. Жестокость стала для него потребностью, и в конце концов он был убит своими слугами.

Куролесов не может обуздать свои страсти потому, что в нем нет того нравственного чувства, которое сдерживает Багрова. И это, на наш взгляд, главное отличие двух героев «Семейной хроники». В патриархальных условиях быта, предоставляющих сильному, властному человеку полный простор

для угнетения слабых и подчиненных, при одинаковых исходных характеристиках Багров стал символом доброго помещика, а Куролесов – страшного тирана только потому, что один обладал этим пресловутым «нравственным чутьем», а другой – нет. Интересно, что Аксаков часто говорит о «нравственном воспитании», которое осуществлял Багров, но в «Семейной хронике» практически нет упоминаний о религиозной жизни семьи героев.

Уверенность Аксакова, что единственным средством защиты подчиненных от злоупотребления помещичьей властью является нравственное чувство барина, заставляет вспомнить апологию самодержавной власти Н.М. Карамзина, который также был убежден, что единственным средством охранения подданных от злоупотреблений самодержавной властью являются совесть монарха, никому и ни в чем не дающего ответа, и сложившиеся традиции (см.: [23. С. 24]). То есть самовластью помещика есть проекция самодержавия государя.

Если продолжать аналогии и обратиться к знаменитой уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», то на поместном уровне основаниями русской жизни можно считать самовластие барина, его нравственное чувство, любовь к барину крестьян. Три основные идеи, заложенные в формуле Уварова, являются основой национально-консервативного течения общественно-политической мысли России, «православно-русского направления» (П.А. Вяземский), русского «хранительства» (см.: [24. С. 299])¹. Идеи, выведенные из системы представлений Багрова, можно считать основой патриархального мировидения.

Итак, систему представлений Багрова в строгом смысле слова нельзя назвать общественным идеалом, но на материалах «Семейной хроники» мы можем сформулировать основные черты патриархального идеала:

- абсолютная ценность помещичьего рода, за которой стоит историческая легитимация патриархальной власти;
- самовластие барина в отношении членов семьи, крестьян и дворовых слуг;
- ответственность за членов семьи, крестьян и дворовых слуг перед Богом и государством;
- обязанность судить и наказывать членов семьи, крестьян и дворовых слуг согласно божественному закону и нравственному чувству;
- обязанность вести добросовестно хозяйство в интересах членов семьи, крестьян, дворовых слуг и государства.

Члены семьи, крестьяне и слуги, в свою очередь, обязаны следовать указаниям барина, добросовестно исполнять все свои повинности и, в идеале, барина любить.

«Положительным», или «созидательным», патриархальным идеалом этот набор черт делает соблюдение помещиком баланса: самовластие барина должно быть уравновешено его ответственностью за землю, которую обрабатывают его крестьяне; насилие «патриарха» – очевидным благом для членов его семьи и крестьян, которое в результате подразумевает это насилие. Если

¹ Концепция русского «хранительства» была предложена профессором МГУ имени М.В. Ломоносова М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Шириняном и др. (см.: [26. С. 5–22; 27. С. 69–87 и др.]). Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализуется в антологии «Хранители России» (М., 2015–2018. Т. 1–6).

баланс или общественный договор не соблюден, «созидательный» патриархальный идеал превращается в простую эксплуатацию крестьян и семейный деспотизм. Аксаков описывает своего дедушку-Багрова как барина, практически полностью соблюдающего этот баланс.

Общественный идеал С.Т. Аксакова и дворянская литература

Изучая общественный идеал в художественной литературе, важно не сделать ошибки, полагая, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий автора (см.: [25. С. 213–219]). Разумеется, в случае «Семейной хроники» Аксаков пытается быть объективным и беспристрастным, изображая дедушку-Багрова, но как бы он ни старался, авторская симпатия остается на стороне героя, даже когда перед нами описания самых неоднозначных его деяний.

Если Аксаков повествует о реализованном Багровым переселении крестьян, которым пришлось по прихоти барина навсегда распрощаться со «старинною, с церковью, в которой крестились и венчались, и с могилами дедов и отцов» [21. С. 15], то заканчивается рассказ уверением, что очень скоро на новой земле крестьяне стали жить куда лучше, чем раньше. Когда Аксаков описывает дедушкины вспышки гнева, то беспристрастный, казалось бы, рассказ заканчивается словами, что эти вспышки случались у него нечасто, не были беспочвенными, и быстро проходили, потому что старик был «незлопамятен и отходчив» и даже старался какой-нибудь лаской вознаградить пострадавшего от своего гнева.

Как в первом, так и во втором случае мы видим идеализацию патриархальной жизни. К своему герою Аксаков относится с нескрываемой симпатией. Дедушка Багров, по его описаниям, прежде всего цельная натура, ему не свойственны сомнения и колебания. Его представления о жизни – ясные и определенные, поступки всегда соответствуют его взглядам и убеждениям.

Несмотря на свои умеренно консервативные взгляды и ностальгическую романтизацию патриархального прошлого, С.Т. Аксаков, как и его сыновья, поддерживал многие либеральные реформы в России, в частности отмену крепостного права, расширение гласности (свободу печати), децентрализацию (местное самоуправление), судебную реформу. Аксаков понимал, что патриархальные условия предоставляют простор для угнетения подчиненных со стороны помещиков. Отвечая на вопрос, каким образом преобразовать старый уклад жизни, чтобы положить конец угнетению и в то же время не утратить лучшее из того, что было создано предками, уместно вновь обратиться к героям «Семейной хроники» Багрову и Куролесову.

В понимании Аксакова, отмена крепостного права прежде всего стала бы действенной мерой по искоренению Куролесовых. Дарование крестьянам прав, уравнивание всех граждан перед законом положило бы конец помещичьим злоупотреблениям. А таким «добрым» помещикам, как Багров, которые в отношении крестьянства хоть и прибегали к насилию, но были справедливыми землевладельцами, ответственными за общее благополучие, отмена крепостного права не причинила бы вреда, ведь Аксаков настаивал на освобождении крестьян сверху, притом с обязательным денежным выкупом.

Если не брать в расчет важнейшую для «Семейной хроники» категорию нравственного чувства помещика, может показаться, что Аксаков предлагал

примерно то же самое, что и либеральные идеологи крестьянской реформы, например И.С. Тургенев: освободить крестьян и сдавать им землю в аренду (подробней см.: [28. С. 40–59]). Тогда помещики «потеряют возмутительную и опасную власть над рабами, – писал Тургенев, – но, возможно, даже преумножат свои состояния» [29. С. 538]. Для Тургенева было совершенно не важно, хороший или плохой помещик будет сдавать землю крестьянам. Важно, что отмена крепостного права разрушит патриархальную систему насилия, а на ее месте со временем будут выстроены «здоровые» рыночные отношения между землевладельцами и свободными крестьянами-арендаторами. Аксаков же хотел «облагородить» старый уклад жизни не только за счет установления правовых отношений, но и за счет «нравственного» воспитания.

Подводя итог, стоит сказать, что «Семейная хроника» С.Т. Аксакова – выдающееся явление интеллектуальной истории XIX в. И.Л. Солоневич в работе «Народная монархия» писал: «Из русской *реальности* наша литература не отразила почти ничего. <...> во всяком случае – русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон» [30. С. 164]. Во многом это утверждение верно: в силу разных причин русская литература первой половины XIX в. более преуспела в критике российской действительности. Но все же Солоневич ошибался. «Семейная хроника» Аксакова – это, пожалуй, первое большое произведение, которое преодолело «критическое направление» в литературе, фиксировавшее в российской действительности по преимуществу пошлость и варварство.

«Семейная хроника» демонстрирует пример созидательной деятельности помещичьего хозяйства XVIII в. Первый «отрывок» «Хроники» можно назвать миниатюрным эпосом. Он включает рассказ о героическом освоении пустовавших башкирских земель, о подвигах героев-колонизаторов, помещиков и крестьян, занятых земледелием на новых территориях, работающих, по сути, в интересах укрепления и процветания державы. Это, пусть и схематичное, описание наглядно показывает, как строилась, богатела и развивалась Россия в XVIII в. А образ Багрова, надо полагать, собирает типичные черты реального помещика-колонизатора, который смог перевезти крестьян на более плодородные земли, наладить хозяйство, построить деловые отношения с такими же помещиками и с местными башкирами.

Подобное помещичье хозяйство показывало свою эффективность с точки зрения социально-экономического развития страны. По типу отношений оно было патриархальным. Несмотря на существование условных Куролесовых, Россия держалась и богатела, опираясь на деятельные патриархальные помещичьи «ячейки общества», составлявшие «здоровое» большинство. Вот что показал своей «Семейной хроникой» Аксаков в тот исторический момент, когда художественная литература в России стала полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, стала вырабатывать образы общественного идеала.

Литература

1. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Том третий и последний. Письма 1851–1860 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. 514 с.
2. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В.А. Францев. Варшава: Тип. Варшавского Учебного Округа, 1905. 1296 с.

3. *Добролюбов Н.А.* Разные сочинения С. Аксакова // Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1962. Т. 4: Статьи и рецензии январь–июнь 1859. С. 167–178.
4. *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I, кн. 1: Критика. С. 1–69.
5. *Венгеров С.А.* Сергей Аксаков // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). А. СПб. : Семеновская Типо-Литография (И. Ефрона), 1889. Т. I. Вып. 1–21. С. 149–200.
6. *Дудышкин С.С.* Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856 // Отечественные записки. 1856. Т. CV, № 4, отд. II. С. 69–90.
7. *Дмитриев Ф.А.* Русская литература (Семейная хроника и Воспоминания С.Т. Аксакова) // Русский вестник. 1856. Т. 2. С. 461–481.
8. *Анненков П.В.* «Семейная хроника и воспоминания» С. Аксакова // Современник. 1856. Т. LVI, № 3. Отд. III. С. 1–24.
9. *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М. : Молодая гвардия, 2017. 298 [6] с.
10. *Добролюбов Н.А.* Деревенская жизнь помещика в старые годы // Собрание сочинений : в 9 т. Т. 2: Статьи и рецензии август 1857 – май 1858. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1962. С. 290–327.
11. *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 630–729.
12. *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа. 1858. Ч. I–II, кн. 10: Критика. С. 63–92.
13. *Ласькова А.Е.* Автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова в литературной критике середины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
14. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 794 с.
15. *Мартынов В.А.* У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С.П. Шевырева. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2013. 280 с.
16. *Шириянц А.А.* С.П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 1. С. 5–16.
17. *Шириянц А.А.* «Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев // Русская политология – Russian political science. 2018. № 1 (6). С. 22–33.
18. *Шириянц А.А., Кононенко О.С.* Дворянские «эксперты» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: А.П. Заблоцкий-Десятовский, М.П. Позен, А.М. Унковский и А.А. Головачев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 273–287.
19. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001. 368 с.
20. *Самарин Ю.Ф.* С.Т. Аксаков и его литературные произведения // Сочинения. Изд. Д. Самарина. М. : Типография А.И. Мамонтова и Ко, № 5, 1877. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. С. 261–265.
21. *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. М. : Худ. лит., 1991. 254 с.
22. *Домострой* / пер. с древнерус. В.В. Колесова. М. : АСТ, 2015. 288 с.
23. *Ермашов Д.В., Шириянц А.А.* «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 11–28.
24. *Шириянц А.А.* «Теоретик официальной народности»: М.П. Погодин и триединая формула С.С. Уварова // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 219–232.
25. *Прокудин Б.А.* Специфика выражения общественного идеала в русской художественной литературе XIX в.: понятие полифонии // SCHOLA-2018 : сб. науч. ст. факультета политол. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. С. 213–219.
26. *Ермашов Д.В., Шириянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5–22.
27. *Шириянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87.
28. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в «Записках охотника» И.С. Тургенева: историко-политологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 40–59.
29. *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1986. Т. 12. С. 531–547.
30. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М. : Феникс, 1991. 512 с.

Boris A. Prokudin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: probor@bk.ru

Daria A. Prokudina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dariap@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 213–230.

DOI: 10.17223/1998863X/52/20

THE FAMILY CHRONICLE BY SERGEY AKSAKOV AS A PATRIARCHAL IDEAL OF SERFDOM AND ITS DEATH VERDICT: A HISTORICAL AND POLITICAL ANALYSIS

Keywords: Sergey Aksakov; Nikolay Dobrolyubov; Stepan Shevryev; Slavophilism; patriarchal ideal.

In the late 1850s, a surprising fact can be observed. Representatives of the two main social movements in Russia, the Revolutionary Democrats and the Slavophiles (more widely, the Conservatives), equally enthusiastically welcomed the publication of *The Family Chronicle* by Sergey Aksakov, but the interpretation of this literary work was completely opposite. In the text, the former saw evidence for the conviction of obsolete serfdom orders, the latter the expressive description of the ancient traditional way of life, the basis of age-old economic relations in Russia. In such interpretations, *The Family Chronicle* suddenly received a serious political content, and the discussion on the book gained social significance. The impetus for the “politicization” of *The Family Chronicle* was Nikolay Dobrolyubov’s article “The Country Life of a Landowner in the Old Years”, published in 1858 in the magazine *Sovremennik*. It was one of the first printed attempts to openly comprehend the phenomenon of serfdom, to condemn it in the time when the question of the liberation of peasants was still far from being resolved. And Aksakov’s book, which was about the 18th century, became a highly relevant work for Dobrolyubov. It gave him an opportunity to show the ugly manifestations of serfdom from all sides. Dobrolyubov’s impatience with the too slow progress of reforms was reflected in the unjustly sharp conclusions of the article. For the readers of *Sovremennik*, *The Family Chronicle* became a work denouncing the old orders, although Aksakov himself could hardly call himself a denouncing writer. The Slavophiles and representatives of the conservative direction could not like this reading of *The Family Chronicle*. Stepan Shevryev undertook to restore the true meaning of Aksakov’s work in the article “The Childhood Years of Bagrov the Grandson, Serving as a Continuation of “The Family Chronicle” by S. Aksakov”, published in *Russkaya Beseda*, a Slavophile magazine, in 1858. In this article, Shevryev insisted that Dobrolyubov “did not understand the spirit of the writer’s works completely”. According to Shevryev, in a troubled time, Aksakov managed to create a “calmly epic representation of the old Russian life” without making a trial of it and to remind readers about the eternal human values in the images of the old time. This article is an attempt to have a new look at *The Family Chronicle* and try to reconstruct the social ideal expressed in Aksakov’s work. *The Family Chronicle* shows an example of the creative activity of landlord economy of the 18th century, its effectiveness in terms of the socioeconomic development of the country, and it was patriarchal by the type of relations. Despite the existence of “bad” landlords, Russia held on and grew rich, relying on the active patriarchal landowner “cells of society”, which constituted the “healthy” majority. This is what Aksakov showed with his *The Family Chronicle* at the historical moment when fiction in Russia became a full-fledged supplier of new ideas for Russian life and began to develop images of the social ideal.

References

1. Aksakov, I.S. (1892) *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeyevich Aksakov in his letters]. Vol. 3. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova.
2. Frantzev, V.A. (1905) *Pis'ma k Vyacheslavu Ganke iz slavyanskikh zemel'* [Letter to Vyacheslav Ganke from the Slavic lands]. Warsaw: Tip. Varshavskogo Uchebnogo Okruga.
3. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 167–178.
4. Gilyarov-Platonov, N.P. (1856) *Semeynaya khronika i Vospominaniya*, soch. S. Aksakova [The Family Chronicle and Memoirs by S. Aksakov]. *Russkaya beseda*. 1(1). pp. 1–69.
5. Vengerov, S.A. (1889) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala russkoy obrazovannosti do nashikh dney)* [Critical and Biographical Dictionary of Writers and Scientists (From the Beginning of Russian Education to the Present Day)]. Vol. 1. St. Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I. Efrona). pp. 149–200.

6. Dudyskhin, S.S. (1856) *Semeynaya khronika i Vospominaniya S. Aksakova* [The Family Chronicle and Memoirs by S. Aksakov]. *Otechestvennyye zapiski*. CV(4). pp. 69–90.
7. Dmitriev, F.A. (1856) *Russkaya literatura (Semeynaya khronika i Vospominaniya S.T. Aksakova)* [Russian literature (The Family Chronicle and Memoirs by S.T. Aksakov)]. *Russkiy vestnik*. 2. pp. 461–481.
8. Annenkov, P.V. (1856) “Semeynaya khronika i vospominaniya” S. Aksakova [“The Family Chronicle and Memoirs” by S. Aksakov]. *Sovremennik*. LVI (3). pp. 1–24.
9. Vdovin, A.V. (2017) *Dobrolyubov: raznochinets mezhdru dukhom i plot'yu* [Dobrolyubov: a raznochinets, between flesh and spirit]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 290–327.
11. Chernyshevsky, N.G. (1947) *Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 3. Moscow: Goslitizdat. pp. 630–729.
12. Shevyrev, S.P. (1858) *Detskie goda Bagrova vnuka, sluzhashchie prodolzheniem Semeynoy Khroniki, S. Aksakova* [Children's Years of the Bagrov's Grandson as continuation of The Family Chronicle by S. Aksakov]. *Russkaya beseda*. 10. pp. 63–92.
13. Laskova, A.E. (2015) *Avtobiograficheskaya trilogiya S.T. Aksakova v literaturnoy kritike serediny XIX veka* [Autobiographical trilogy of S.T. Aksakov in literary criticism of the mid-19th century]. Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Valitsky, A. (2019) *V krugu konservativnoy utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of the Russian slavophilism]. Translated from Polish by K. Dushenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Martynov, V.A. (2013) *U istokov “russkoy idei”: zhizn' i sud'ba S.P. Shevyreva* [The origins of the “Russian idea”: The life and fate of S.P. Shevyrev]. Moscow: FORUM: INRA-M.
16. Shirinyants, A.A. (2011) S.P. Shevyrev v istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii [S.P. Shevyrev in Russian history of social and political thought]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 7(1). pp. 5–16.
17. Shirinyants, A.A. (2018) “Prosveshchennaya byurokратиya” v epokhu krest'yanskoy reformy 1861 g.: Ya.I. Rostovtsev, S.S. Lanskoj, M.N. Murav'ev [“Enlightened bureaucracy” in the era of peasant reform in 1861: Y.I. Rostovtsev, S.S. Lanskoj, M.N. Muraviev]. *Russkaya politologiya – Russian Political Science*. 1(6). pp. 22–33.
18. Shirinyants, A.A. & Kononenko, O.S. (2018) Dvoryanskie “eksperty” v epokhu krest'yanskoy reformy 1861 g.: A.P. Zablotskiy-Desyatovskiy, M.P. Pozen, A.M. Unkovskiy i A.A. Golovachev [Noble “experts” in the era of peasant reform in 1861: A.P. Zablotskiy-Desyatovskiy, M.P. Posen, A.M. Unkovskiy and A.A. Golovachev]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 14(2). pp. 273–287.
19. Zhirkov, G.V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [History of Censorship in Russia 19th – 20th Centuries]. Moscow: Aspekt Press.
20. Samarin, Yu.F. (1877) *Sochineniya* [Works]. Vol. I. Moscow: A.I. Mamontov i Ko. pp. 261–265.
21. Aksakov, S.T. (1991) *Semeynaya khronika* [The Family Chronicle]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
22. Anon. (2015) *Domostroy* [Domostroy]. Translated from Old Rus by V.V. Kolesov. Moscow: AST.
23. Ermashov, D.V. & Shirinyants, A.A. (2016) “Khranitel'stvo” N.M. Karamzina [“Preservation” by N.M. Karamzin]. *Tetrady po konservatizmu*. 4. pp. 11–28.
24. Shirinyants, A.A. (2018) “Teoretik ofitsial'noy narodnosti”: M.P. Pogodin i triedinaya formula S.S. Uvarova [“Theorist of official nationality”: M.P. Pogodin and S.S. Uvarov's triune formula]. *Tetrady po konservatizmu*. 1. pp. 219–232.
25. Prokudin, B.A. (2018) Spetsifika vyrazheniya obshchestvennogo ideala v russkoy khudozhestvennoy literature XIX v.: ponyatie polifonii [Specificity of social ideal expression in Russian fiction of the 19th century: the concept of polyphony]. In: Shirinyants, A.A. & Shutov, A.Yu. (eds) *SCHOLA-2018*. Moscow: Moscow State University. pp. 213–219.
26. Ermashov, D.V. & Shirinyants, A.A. (2006) Khranitel'stvo kak osnovanie konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii) [Preservation as the foundation of conservative political culture of intellectuals (the experience of post-reform Russia)]. *Vestnik Moskovskogo uni-versiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2. pp. 5–22.
27. Shirinyants, A.A. (2006) Khranitel'stvo kak osnovanie konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii [Preservation as the basis

of the intelligentsia conservative political culture (the experience of post-reform Russia): the concept of the Russian monarchy]. *Vestnik Moskovskogo uni-versiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 4. pp. 69–87.

28. Prokudin, B.A. (2018) Obshchestvennyy ideal v “Zapiskakh okhotnika” I.S. Turgeneva: istoriko-politologicheskiy analiz [The public ideal in “A Sportsman's Sketches” of Ivan Turgenev: a historical and politological analysis]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 14(2). pp. 40–59.

29. Turgenev, I.S. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters in 30 vols]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 531–547.

30. Solonevich, I.L. (1991) *Narodnaya monarkhiya* [The Popular Monarchy]. Moscow: Feniks.